

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)

Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований

Рецензия

на научно-квалификационную работу (диссертацию) аспирантки Захаровой Ярославы Андреевны «Поэтика Д.А. Пригова (историко-литературные и перформативные аспекты)»

Работа Ярославы Захаровой «Поэтика Д.А. Пригова (историко-литературные и перформативные аспекты)» посвящена проблематике, актуальность которой диктуется ее тематической новизной. Творчество Пригова сравнительно недавно стало предметом широкого изучения, но уже сегодня ясно, насколько это изучение сложно в биографическом, литературоведческом, историко-культурном и, прежде всего, методологическом отношении. С одной стороны, на сегодня изданы три собрания сочинений Пригова – причем одно из них исключительно обширное (насчитывающее в общей сложности на пять томов большого формата 4,5 тысячи страниц), две монографии, воспоминания и обобщающие статьи (составившие уже несколько сборников), вписывающее имя Пригова в широкую панораму «альтернативной» советской и постсоветской литературы. Вместе с тем – творчество Пригова, как подчеркивается многими исследователями, требует новых исследований и новых подходов. Главной причиной здесь является то, что творчество Пригова принципиально не сводится к сумме тех художественных начинаний, в которых он себя пробовал. А их немало: это поэзия, проза, перформанс, музыкальные и театрализованные представления, графика. Важно, что для самого Пригова вся его творческая деятельность представляла собою целое и он всячески противился истолкованию ее отдельных сторон в качестве автономных. Что делать в этой ситуации исследователю, который учитывает декларации самого Пригова? Вероятно, что выход здесь один – усиленная контекстуализация объекта изучения. Но что ею считать? Один из таких контекстов – биографический и историко-литературный, например, такой: Пригов -- активный участник литературного движения, заявившего о себе о себе в 1980-е годы, возникшего, впрочем, не на пустом месте и обязывающего считаться с историко-культурными аналогиями предшествующей поры. Ярослава Захарова пытается наметить иной путь изучения творчества Пригова, отталкиваясь не от предшествующего Пригову историко-культурного и собственно литературного контекста

(тем более, что такой контекст оказывается заведомо безмерен – от футуристов и авангардистов 1910-30-х годов до круга «московских концептуалистов» 1980-х), а от специфических особенностей поэтики Пригова там, где эта поэтика распространяется не только на уровень риторики текста, но также – на уровень исполнительской и художественной практики. Это: текст – голос – графика.

Главным достоинством диссертационной работы Ярославы Захаровой мне видится отказ от обобщающих схем, заведомо предопределяющих анализ самих произведений Пригова. Фактически ее работа представляет расширенный и подробный комментарий к одному произведению Пригова – перформансу «Мантра высокой русской культуры». Конечно, это произведение никоим образом не исчерпывает всего многообразия его творчества, но может служить своего рода ключом к пониманию мотивов, к которым Пригов возвращается снова и снова: это творческая ревизия литературного – «канонического» (в частности - Пушкинского) наследия, гибридный («монструозный») характер культуры, трансформативность медиальных приемов исполнения (письмо и голос), своеобразная «антропологическая футурология», позволяющая видеть в прошлом не закрытые, но открытые «гештальты» социального и творческого опыта. Надо сказать, что в методологическом отношении примером схожего исследовательского подхода может служить монография М.П. Алексеева, посвященная стихотворению Пушкина «Я памятник себе воздвиг» (1967). И хотя основной задачей Алексеева было проследить историю изучения этого стихотворения, теоретически он подходил к этой истории, как значимой для понимания общих тенденций в развитии пушкинской поэтики.

Работа Ярославы Захаровой ждет своего завершения. На сегодня это три главы, которые, вероятно, будут еще дополняться новым материалом и уточняться в формулировках. Но уже то, что есть позволяет увидеть и оценить логику ее изложения. В первой главе работы рассматривается перформанс «Мантра высокой русской культуры», исполнение которой непривычно обыгрывает первые строки «Евгения Онегина» на манер буддийской мантры. Уже здесь можно говорить о характерных особенностях этого исполнения – нарочитой «гибридизации» хрестоматийного текста русской литературы в, казалось бы, принципиально чужеродной для него голосовой и инокультурной модальности. Вторая глава, «Чудовище разрывает текст: концептуальные монстры Пригова», посвящена конкретному мотиву, а именно мотиву монструозности, который волновал Пригова на протяжении всего его творчества. Помимо своей литературной и живописной выразительности, «монструозность», какой она рисуется в произведениях Пригова, многое объясняет в его, условно говоря, художественной идеологии – стремлении преодолеть замкнутость текста и образа. «Мантра высокой русской культуры»

- пример того же порядка. Это не только манифест художественного синтеза, но и декларация «новой антропологии» – и это следует подчеркнуть (чего Ярослава Захарова пока не сделала) – а именно: декларация *проективной* антропологии, не уже наступившей «новой» антропологии, но антропологии *воображаемого* будущего. Третья глава, «Прагматические контексты Пригова», посвящена лингво-прагматическим основам приговской поэтики. Фокус сближения этой поэтики с размышлениями о деятельностной природе языка, которая активно дискутировалась в работах Остина, Грайса, Серля мне представляется выбранным верно и удачно – хотя, как я думаю требует своего дописывания в той части, которая касается именно литературного и поэтического творчества.

В ожидании четвертой части работы (посвященной поэтическому циклу «Умный федерализм» и актуальному для Пригова социально-политическому контексту), хочется пожелать детализации тех обстоятельств, которые позволили Пригову стать если не участником, то по меньшей мере героем и наблюдателем бурных публицистических дискуссий перестроечной поры о литературном процессе. Хорошим пособием для этого может послужить «История русской литературной критики» под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова (М., 2011).

Замечу также, что работа Ярославы Захаровой библиографически основательна: на 96 страниц имеющегося текста – 16 страниц библиографии.

Остается надеяться, что диссертационная работа Ярославы Захаровой будет завершена и успешно пройдет предзащиту – все основания для этих надежд есть: имеющиеся три главы исследования демонстрируют его соответствие требованиям предъявляемым к диссертациям, представляемым на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН

К.А. Богданов